

It is noted the importance of the development of the theme of the intelligentsia in the Ukrainian society and provides a perspective for future research. The necessity of the future analysis is clarifying during the analysis the next points: reality conceptualization and the worldview of Ukrainians, lexical means of verbalization of the Ukrainian social life.

Key words: *concept, discourse, small talk, intellectual, verbalization.*

УДК 811.161.1'373.6

Жуйкова М. В.,
доктор филологических наук,
профессор кафедры прикладной лингвистики
Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки
E-mail: mzhujkova@ukr.net

РУССКИЙ ГЛАГОЛ «ОБЛАПОШИТЬ»: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПРАГМАТИКА, КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ

В статье рассмотрено происхождение русского экспрессивного глагола «облапошить», который входит в тематическую группу обмана. Его внутренняя форма в современном русском языке оказалась затемненной, что привело к ошибочным реконструкциям. Привлечение широкого диалектного материала позволило установить исходную форму этого глагола (облопоушить), а также его мотивирующую основу (лопоухий). В статье также описаны культурные коннотации, на основе которых сформировалась семантика глагола «облапошить».

Ключевые слова: *историческая лексикология, внутренняя форма, мотивирующая основа, образное значение, культурная мотивация, глаголы обмана.*

Постановка проблемы. Известно, что различные фрагменты национальной картины мира отличаются разной степенью разработанности в языке, в частности, наиболее релевантные для языкового коллектива концепты и их группы представлены значительным количеством языковых единиц разных уровней. Для русского культурного пространства оказывается весьма важным концепт «обман» (тракуемый двояко: и как сознательное искажение истины, и как мошенничество), что выражается, в частности, в наличии весьма обширной группы слов и фразем, формирующих лексико-фразеологическое поле обмана (по некоторым подсчетам, это более пятисот единиц, включая диалектные). Среди этого массива доминируют лексемы и фраземы, имеющие коннотации оценочности и экспрессивности; другая характерная особенность многих единиц данного поля – отсутствие или «затемненность» внутренней формы, демотивация. Поскольку в современных лингвистических исследованиях большое значение придается анализу проявлений национально-языковой специфики, детальное изучение единиц поля «обман» относится к числу **актуальных** задач русистики. В наших работах уже рассматривалось происхождение некоторых глаголов и фразеологизмов обмана, в частности, *провести, обвести, объехать, на кривой не объедешь, подвести под монастырь*, см. обобщающую монографию [6].

Цель данной статьи — установление внутренней формы и мотивационных связей глагола *облапошить*, который входит в тематическую группу «обман, мошенничество». На первый взгляд, это глагол кажется изолированным от других единиц русского языка (кроме своих же производных *облапошивать, облапошиться, облапошивание, облапошник* и пр.). Как его внутренняя форма, так и связи с другими словами для современного носителя языка оказываются неясными, что стимулирует поиски его исходной мотивации. Наиболее ценна параллельная реконструкция плана выражения и плана содержания, что позволяет как минимизировать возможные ошибки, так и верифицировать полученные выводы.

Как верно отмечал в свое время В. Виноградов, следует различать два подхода в диахронных исследованиях лексики: во-первых, историко-этимологическое направление, при котором слово рассматривается только в статусе представителя целого гнезда и само по себе «становится исторической абстракцией» [1, с. 8], и во-вторых, историко-лексикологическое направление, когда

предметом анализа является не гнездо, а отдельное, конкретное слово как носитель изменяющегося во времени значения и как результат взаимодействия многих разноплановых факторов. «Здесь отыскиваются законы изменения значений слов, как индивидуальных конкретно-исторических единств», – писал ученый о преимуществах диахронного историко-лексикологического анализа [1, с. 8]. Воссоздание истории слов позволяет не только увидеть связи конкретной языковой единицы с другими элементами системы, но и соотнести процессы языковых изменений с историей общества в определенных исторических условиях, что дает ключ к пониманию специфики формирования и трансформации концептуальной сферы. Сам В. Виноградов, как известно, дал многочисленные образцы исторического анализа слов, проведенного им в историко-лексикологическом ключе, с учетом «всех моментов семантического развития слова» [1, с. 14]: взаимодействия его формы, значения, внешней реальности (явлений духовной и материальной культуры) и законов человеческого мышления. Наше исследование опирается на разработанный В. Виноградовым подход с акцентом на изучении отдельного слова в его широких связях как с лингвальными, так и с экстралингвальными явлениями.

Происхождение глагола *облапошить* в свое время привлекло внимание и самого В. Виноградова. Ученый связал перфектив *облапошить* и бесприставочный имперфектив *лапошить* с диалектным *лапить*, то есть «красть». Основанием для такого вывода послужила информация из материалов к словарю Я. Грота и А. Шахматова, где для *лапошить* указаны два значения: первое – «красть», а второе – «обманывать, надувать». Далее В. Виноградов сделал такое заключение: «В основе его лежит тот же корень, что и в слове *лапа*» [1, с. 387]. Таким образом, *лапошить* было включено исследователем в деривационное гнездо корня *лап-*. Появление странного суффикса *-ош-* В. Виноградов объяснил аналогией со словом *укокошить*.

Следует ли принять эту версию? Как нам кажется, она может претендовать только на статус рабочей гипотезы. Очевидно, что любая версия исторической реконструкции слова с затемненной внутренней формой и неясными мотивационными связями для своего подтверждения или опровержения требует привлечения как широкого массива языкового материала (и не в последнюю очередь – диалектного), так и экстралингвальных факторов, прежде всего – широкого культурного фона.

Изложим наши соображения, касающиеся истории возникновения и мотивационных связей русского глагола *облапошить*. В работе, в частности, использованы данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Прежде всего, следует отметить широкую и неконкретную референцию слова *облапошить*, позволяющую носителям языка использовать его для обозначения очень разных ситуаций обмана и мошенничества. Подавляющее большинство контекстов указывает на обман, проявляющийся в денежных и торговых отношениях (надувательство в торговле, нечестная игра в карты, подделка векселей, выманивание денег под разными предлогами и т. д.). Ср.:

– *Проигрался под Волочком на станции. Попался мне там пехоташка какой-то с перстнями, должно быть, шулер, – и облапошил дочиста* (Л. Толстой. Два гусара).

– *Не будь вы таким простофилей, вы скоро сделались бы настоящим янки и нажили бы деньги... Но на берегу вас непременно облапошат ... Берегите свои карманы, Чайк, и не верьте всякому...* (К. Станюкович. Похождения одного матроса) [НКРЯ].

– *Я вижу, ты Змея хочешь облапошить! Напоить, деньги забрать, а ему сказать потом, что – спьяну прирезилось!* (А. Слаповский. День денег) [НКРЯ].

Реже этим глаголом обозначается обман, связанный с умышленным искажением фактов, нарушением обещаний и т. п. Ср.:

И Дарья на всех перекрестках звонит, что вот хотят его облапошить – всучить ему поповну с тремя детьми (С. Сергеев-Ценский. Воинский начальник) [НКРЯ].

– *Впрочем, за деньги она не сердится, хоть ты ее и доил, как козу. Ее только злоба берет, что она тебе двадцать лет верила, что ты ее так облапошил на благородстве и заставил так долго лгать.* (Ф. Достоевский. Бесы).

Аналогичная широкая референция характерна для многих глаголов обмана, таких как *обдурить, одурачить, провести, надуть, оболванить*, жарг. совр. *наколоть*, а также фразем *обвести вокруг пальца, оставить в дураках*. Эти единицы являются близкими к лексеме *облапошить* и по значению, и по отрицательным оценочным коннотациям.

Одно из первых письменных фиксаций лексемы *облапошить (облапошивать)* относится к 1788 г., когда был напечатан текст анонимной пьесы «Купецкая компания, комедия в одном действии». См.:

Сенька. *Животики надорвёишь смлючись, как он их облапошивает; а на утро посмотришь и пусты карманы*(Куп. комп., 168) [14, с. 250].

В 1790 г. этот глагол был использован в комедии российского драматурга Петра Плавильщикова:

Аксен.– *Да что ты без бачки-та облапошить меня хошь, батраку-та я не верю, ведь денег-та десять рублей шестьдесят алтын.*

Хватов. – *Дурак, коли ты не смыслишь, так у людей спроси* (П. Плавильщиков. Бобыль) [НКРЯ].

Тот факт, что глагол *облапошить* звучал в 1790 г. со сцены Петербургского придворного театра, может свидетельствовать в пользу его вхождения в узус русского языка уже в конце XVIII в.: очевидно, что оно было известно тогда не только одним авторам комедий.

Однако в словари эта лексема (как и ее производные) попала только в середине XIX в.

В «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» 1858 г. зафиксировано слово *облапошить*– «обмануть», помеченное как нижегородское, а также вторичное существительное *облапоха* – «обманщик или обманщица» [5, с. 149]. В словаре В. Даля обнаруживаем не только пару *облапошить / облапошивать* («надуть, обмануть, обобратить») [4, II, с. 393], но и имперфективный беспрефиксный глагол *лапошить*, значение которого В. Даль определяет следующим образом: «мошенничать, плутовать, обманывать, особ. заговорив, забросав словами и уверив в чем» [4, II, с. 237]. Мотивационные связи лексемы *лапошить* несомненно интересовали В. Даля, поэтому он выдвинул две версии ее происхождения (от *лапа, лапить* или от *лопотать*, т. е. болтать).

Отметим еще два интересных в семантическом аспекте лексикографических факта. В 1851 г. в Тамбовской губ. глагол *облапошить* был зафиксирован в значении «обыграть в карты» [13, 22, с. 86]. Несколько ранее, в 1847 г., в Ярославской и Вологодской губерниях был отмечен тот же глагол *облапошить*, истолкованный собирателем таким образом: «обуть; обуть в лапти; переобуться в лапти вместо сапог» [13, 22, с. 86]. Эти два значения легко сводятся к тому же значению обмана. Хорошо известно, что выигрыш в карточной игре часто обеспечивался именно обманом, подтасовкой карт, ср. образный глагол *обремизить* с первым значением «обыграть в карты» и со вторичным «обмануть». Что касается второго из приведенных значений глагола *облапошить* («обуть»), то очевидно, что для его объяснения собиратель (или, возможно, его респонденты) использовал не прямое значение лексемы *обуть*, а метафорическое, затемненное, известное не всем носителям русского языка. Оно появилось в результате компрессии идиомы *обуть в лапти*. Эта идиома зафиксирована, в частности, в материалах В. Даля: «*В лапти обуть* кого (обмануть)» [3, II, с. 131]. Там же собиратель подает и ее вариант: *Переобуть из сапог в лапти*. Вопрос о том, как именно обувание и переобувание коррелирует с обманом, мы здесь специально не обсуждаем, подробно о комплексе архаических представлений, на основе которых обман концептуализировался как переобувание, см. в содержательной работе Т. Володиной [2]. Однако с уверенностью можно утверждать, что оба приведенных выше значения глагола *облапошить*, кажущиеся на первый взгляд далекими от семантики обмана, на самом деле тесно с ним связаны.

Таким образом, в середине XIX в. на большой территории европейской части Российской империи (как минимум, в Тамбовской, Ярославской, Вологодской, Нижегородской, Тверской, Псковской губ.) были распространены как глагол *облапошить* со значением обмана, так и его производные (*облапоха, облапошка, облапошник, облапошенье*). Этот глагол мог обозначать большую группу различных по денотативным признакам внеязыковых ситуаций, объединенных общей идеей мошенничества.

Решение вопроса о мотивационных связях и внутренней форме слова *облапошить* логично начать с изучения его формальной стороны. Отметим, что параллельно с формой *облапошить* в некоторых местностях использовалась и форма *облопошить*, см., например, записи П. Дилакторского из Вологодской губ.: *облапошить* – «обмануть, надуть», *облопошить* – «то же самое, что *облапошить*» [9, с. 303]. Глагол *облопошить* подает в своем словаре и В. Даль, правда, не указывая на территорию распространения: «*Облопошить* кого, надуть, мошеннически обмануть при купле или мене» [4, II, с. 597]. См. также фиксацию этого слова в псковских говорах [7, с. 183–184]. При очевидной семантической тождественности эти единицы следует рассматривать как фонетические варианты, обусловленные особенностями местного произношения. Другие отмеченные в диалектах варианты (более поздней фиксации), такие как печорское, вятское *облабошить* – «обмануть» [12, I, с. 491], [13, 22, с. 79], орловское *облапушить* – «обмануть с корыстной целью, надуть» [11, 8, с. 22], очевидно, также возникли на основе исходной формы.

Именно в той форме, которая является наиболее архаической, должна выявляться формальная и семантическая связь с мотивирующей основой. В нашем случае на эту роль вполне может претендовать глагол *облопоушить*, помещенный В. Далем в одну статью со словом *облопошить*, непосредственно после него [4, II, с. 597]. Примерно к тому же времени (1855 г.) относится фиксация псковского и тверского слова *лопоушить* в двух значениях: «зевать» и «давать другому возможность украсть что-либо» [13, 17, с. 143]. Отметим, что в зоне толкования глагол *зевать* употреблен в переносном значении, ср. у В. Даля без указания территории: «*лопоушить*, зевать, ротозейть» [4, II, с. 267]. В «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» отмечен псковский и тверской глагол *облопаушить* – «обмануть простофилю» с минимальными фонетическими изменениями [5, с. 149]. Разница между префиксальной и беспрефиксной лексемами определяется их семантико-грамматическими особенностями: имперфективный глагол (*лопоушить*) употреблялся как непереходный и обозначал состояние субъекта (пациенса), тогда как перфектив *облопоушить* стал переходным (*облопоушить* кого) и результативным.

Принимая *лопоуш-* (а не *лопауш-*) за исходную звуковую форму основы интересующих нас глаголов, мы можем сделать следующий шаг и связать ее по смыслу с мотивирующей основой *лопоух-* / *лопоуш-*, представленной двумя алломорфами. Это не что иное, как основа сложного прилагательного *лопоухий*, имеющего в русском языке несколько значений. В основном значении оно обозначает форму ушей некоторых животных и человека: *лопоухий* – «имеющий большие оттопыренные уши». Таким образом, первый корень компаратива *лопоухий* этимологически связан с современными лексемами *лопасть* и *лопата*. В переносном значении прилагательное *лопоухий* получает отрицательную оценку и может указывать на поведение и умственные способности человека: «нерасторопный, недалекий по уму» [15, стлб. 362]. См.:

Григорью было лет двадцать. Несуразный он был парень <...> В деревне все считали его дурачком и звали Гришкой-лопоухим (Н. Лесков. Житие одной бабы).

В словаре В. Даля слово *лопоухий*, помещенное в статью ЛОПАСТЬ, маркировано как новгородское, вологодское и толкуется через оценочные существительные: «олух, дуралей, вялый зевака» [4, II, с. 266]. Территориально это прилагательное было распространено гораздо шире. В словарях указываются дефиниции, близкие к далевскому толкованию, с акцентом на негативной оценке, с ослабленным сигнификативным компонентом, см., например, воронеж. – «неуклюжий, неловкий», костром. «недогадливый, невнимательный» [13, 17, с. 143]. Кроме того, в диалектах известны существительные *лопоух*, *лопоуха* с такими значениями: «рохля, ротозей, розиня, зевака» [4, II, с. 267], «нерасторопный человек» (калуж.), «невнимательный человек» (псков.), «бестолковый человек» (олонец., вологод.), «олух, дуралей» (новгор., вологод.) [13, 17, с. 143].

Таким образом, с середины XIX ст. в говорах русского языка фиксируется прилагательное *лопоухий* в его метафорическом значении, употреблявшееся для отрицательной характеристики комплекса интеллектуальных, волевых и поведенческих признаков человека. Как видно из описательных способов толкования, *лопоух* (*лопоухий*) – человек недогадливый, вялый, неуклюжий,

нерасторопный, который больше стоит, чем действует (зевака, ротозей), а если и берется что-то делать, то у него все выходит не так, как нужно, без толку, без результата (ср. олонец. *лопоух* «делающий без толку» [10, с. 48]). Глаголы *лопоушить* и *облопоушить* возникли как семантическое продолжение метафорического значения прилагательного *лопоухий*, получив от него целый набор содержательных составляющих. Отсюда отмеченные В. Далем для глагола *лопоушить* значения «зевать, ротозеить»: *лопоушить* – значит вести себя как *лопоух*, *лопоухий*; в частности, такого человека легко обокрасть, обыграть в карты или обмануть. У этого глагола, как и у других глаголов состояния, имеется только одна валентность.

Что касается результативного глагола *облопоушить* (более известного нам в форме *облапоушить*), то его значение не выводится непосредственно из семантики мотивирующей основы, однако может быть связано с ней через образ, присутствующий во внутренней форме. *Облопоушить* (*облапоушить*) *кого* можно истолковать так: «своими активными целенаправленными действиями поставить кого в положение лопуха», ср. аналогичные по семантике глаголы *одурачить*, *оболванить* («своими активными действиями поставить кого в положение дурака, болвана»). В актантной структуре этих предикатов через субъектную и объектную валентности отражены два необходимых участника такой ситуации (*кто облапоушил*, *одурачил*, *оболванил кого*). *Болван*, *дурак* и *лопоух*, таким образом, оказались синонимичными номинациями человека, которого легко обмануть, выдать ложь за правду в очень широком спектре жизненных коллизий. Указанная семантическая нечеткость объясняет, почему глагол *облапоушить* имеет широкую и неконкретную референцию: он изначально относился к классу внеязыковых ситуаций, которые говорящий не описывал, а квалифицировал, оценивал.

Естественно, интересен также вопрос о предметной соотнесенности внутренней формы слова *лопоух(ий)*, т. е. об образе того «лопоухого» существа, которому приписываются названные выше отрицательные качества. Исходя из прецедентных текстов и массива культурной информации, можно предположить, что в русской традиции этим образом является образ осла. Именно с ним связаны стереотипные представления о бестолковости, медлительности, глупости и под. Прилагательное *лопоухий* в русском языке входит также в номинативное поле концепта «заяц». Однако поскольку культурный стереотип зайца включает иной набор признаков, мы считаем образ осла гораздо более вероятным основанием для переосмысления связанных с ним языковых единиц.

Отметим также типичное для языковой характеристики осла прилагательное *вислоухий*, содержательно близкое к слову *лопоухий* (и в прямом, и переносном значениях). В «Словаре Академии Российской» слово *вислоухий* описано таким образом: 1) «имеющий висячие, повислые уши», 2) «относительно к человеку уподобительно значит оплошлого, неосмотрительного» [8, 6, стлб. 462]. См. его употребление в качестве бранного выражения:

Только что успела она это выговорить, а ямицик закричал: «Бери вправо, олух, дурак ты таковой, оселвислоухий, утопишь ни за что барина!»(И. Лажечников. Беленькие, черненькие и серенькие) [НКРЯ].

Более того, в русском языке отмечено существительное *вислоух* с теми же коннотациями, что и *лопоух*, ср.:

Барахольщик с двух слов должен был понять, что перед ним не вислоух какой-нибудь, а свой же, бывалый, базарный человек и что долго разговаривать нечего(А. Малышкин. Люди из захолустья) [НКРЯ].

Как хорошо известно, во многих этнических картинах мира уши представлены как важный орган, служащий для получения перцептивной информации, так необходимой для ориентации в мире. образу животного с опущенными ушами (ср. фразеологизмы *развесить уши*, *хлопать ушами* и образованный на его основе глагол *прохлопать*) содержательно противостоит иной образ, в котором отмечены высоко поднятые уши как признак настороженности, концентрации внимания (ср. устойчивые выражения *ушки на макушке*, *держат ухо востро*, *наострить уши*). Этот параметр ушей получает таким образом статус культурного признака, трактуемого в контексте целостной картины мира, для которой в огромной степени характерна оценочность и антропоцентризм. Как отмечает С. Толстая, «культурная

трактовка признаков, вовлекающая в их семантическое поле ... широкий круг ассоциаций, коннотаций, текстовых мотивов, подчас оказывается богаче языковой семантики» [16, с. 15]. Именно эти свойства четко проявляются у парного параметра «положение ушей животного», получившего в русской культуре символические значения, на основе которых и стало возможным перенесение соответствующих наименований со сферы животных на сферу человека.

Выводы. Таким образом, зафиксированное в русском языке в конце XVIII в. экспрессивное слово *облапошить*, входящее в обширную тематическую группу со значением обмана, мошенничества, рано утратило свою внутреннюю форму и мотивационные связи. Оно стало одной из многих «темных» единиц языка, требующих специальной лингвистической и культурно-языковой реконструкции. Обращение к диалектному материалу показало, что, кроме закрепленной в узусе формы *облапошить*, в XIX в. существовали также варианты *облопошить* и *облопоушить*. Последний глагол можно связать со сложным именем *лопоух* (*лопоухий*), учитывая как его план выражения, так и план содержания. Поскольку слово *лопоух* во вторичном, образном значении активно использовалось для отрицательной характеристики человека, эти же семантические свойства перешли к образованному от него глаголу состояния *лопоушить* (буквально «вести себя как лопухое существо», т. е. быть нерешительным, неактивным, бестолковым). Что касается перфективного глагола *облопоушить*, со временем фонетически изменившегося в *облапошить*, то в плане содержания оно легко сблизилось с предикатами действия *обмануть*, *одурачить*, *оболванить*, приобретя семантику обмана и утратив связи со своей мотивирующей основой.

В перспективе дальнейших исследований – изучение происхождения других глаголов русского языка, входящих в тематическую группу обмана, что даст возможность определить общие закономерности в исторических процессах метафорической номинации.

Список использованной литературы

1. Виноградов В. В. История слов / В. В. Виноградов. – М. : Толк, 1994. – 1138 с.
2. Володина Т. В. Кто кого и зачем обувает в лапти / Т. Володина // Славянские языки в свете культуры : сборник научных статей. – М.: ООО «А Темп», 2006. – С. 228–243.
3. Даль В. И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. Сборник в 2 томах. – СПб.: Литера – «ВИАН», 1997.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М., 1955.
5. Дополнение к Опыт областного великорусского словаря : издание Второго отдел. Импер. Академии Наук. – СПб., 1858. – 328 с.
6. Жуйкова М. В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов : монографія / М. В. Жуйкова. – Луцьк : Вежа, 2007. – 416 с.
7. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 22. – СПб. : Издательство С.-Петербур. ун-та, 2011. – 541 с.
8. Словарь Академии Российской: в 6 частях. – СПб., 1789–1794.
9. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. – СПб. : Наука, 2006. – 678 с.
10. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении: изд. Отделения рус. яз. и словесности Императ. Акад. Наук; собрал на месте и составил Г. Куликовский. – СПб., 1898. – VII, 151 с.
11. Словарь орловских говоров. Вып. 8. – Орел, 1996. – 240 с.
12. Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2-х т. / под ред. Л. А. Ивашко. – Т. 1. – СПб. : Филол. ф-т С.-Петербур. ун-та, 2003. – 553 с.
13. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. – Л. (СПб.) : Наука, 1965 – . Вып. 1 – 195 с.
14. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 15. – СПб. : Наука, 2005. – 395 с.
15. Словарь современного русского литературного языка: в 17 томах. – Том 6. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1957. – 830 с.
16. Толстая С. М. Категория признака в символическом языке культуры / С. М. Толстая // Признаковое пространство культуры / отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2002. – С. 7–20.

Жуйкова М. В. Російське дієслово «облапошити»: походження, прагматика, культурні конотації.

Анотація

У статті розглянуто походження російського експресивного дієслова «облапошить», яке входить у тематичну групу обману. Його внутрішня форма у сучасній російській мові виявилась затемненою, що призвело до помилкових реконструкцій. Залучення широкого діалектного матеріалу дозволило встановити вихідну форму цього дієслова (облопоушить), а також його мотивуючу основу (лопоухий). У статті також описані культурні конотації, на основі яких сформувалась семантика дієслова «облапошить».

Ключові слова: історична лексикологія, внутрішня форма, мотивуюча основа, образне значення, культурна мотивація, дієслова обману.

Zhujkova M. V. The Russian verb «oblaposhyt'»: its origin, pragmatics, and cultural connotations.

Summary

The origin of the Russian expressive verb «oblaposhyt'», which is a part of the thematic group related to the lie, is the object of study in this paper. Its existence in the Russian language has been known since the end of the 18th century. Since its internal form is not comprehensible for speakers of the modern language, the problem of determining its etymological origins arises. The purpose of the study is to establish motivational relations of the verb «oblaposhyt'» with other words in the Russian language, as well as to describe the changes in the motivating basis.

The analysis of the origin of the verb «oblaposhyt'» has been conducted using a broad range of dialectal material, taking into account both its phonetic and semantic variants. The verb «oblopoushyt'» is suggested as the basic form. In the dialects of the Russian language the non-prefixal verb «lopoushyt'» functioned which had the meaning «to yawn» that is to be inattentive, to give someone an opportunity to deceive you. This verb derived from the stem of the compound adjective «lopoukhij», which is included in the nominative field of the concept «donkey». It has negative connotations, figuratively denoting a person who may be deceived easily. The verb «lopoushyt'» served as a formal stem for the emergence of the verb «oblopoushyt'» which received its meaning «to put someone in the position of a deceived person». The article also describes the cultural connotations upon which the secondary metaphorical semantics of the adjective «lopoukhij» was formed. In this manner it is shown that in terms of its origin the expressive verb «oblaposhyt'» is closely connected with the unique nature of the Russian nation and its culture.

The prospects for future research exist in the study of the origin of the other verbs from the thematic group related to the lie.

Key words: historical lexicology, internal word form, motivating basis, figurative meaning, cultural motivation, verbs related to the lie.

УДК 81'25

Загородня Л. З.,
кандидат філологічних наук, доцент
кафедри іноземних мов та професійної комунікації
Тернопільського національного економічного університету
E-mail: ludazag@rambler.ru

КОГНІТИВНА МОДЕЛЬ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ АНГЛІЙСЬКОГО НЕОЗНАЧЕНОГО АРТИКЛЯ

У статті проілюстровано застосування когнітивного підходу до репрезентації англійського неозначеного артикля в українському та російському перекладах. Встановлено, що спосіб відтворення артиклевої функції у цільовому тексті визначається принципом побудови зв'язного тексту. Дослідження перекладацьких прийомів у статті здійснено із залученням методу фрейм-аналізу.

Ключові слова: когнітивна модель перекладу, неозначений артикль, синтаксичний фрейм, семантичний фрейм, тематичний фрейм, вузол, термінал.

Наукові дослідження останніх десятиліть у перекладознавчій галузі свідчать про широке розповсюдження антропоцентричного підходу до процесу передачі мовних явищ та категорій. У контексті сучасної когнітивної парадигми розробляється нова модель перекладу, у межах якої переклад інтерпретується як один із видів когнітивної діяльності людини. Зміна підходів до опису мови, як наголошують лінгвісти, супроводжується появою нового розуміння поняттєво-